

Классическая и, казалось бы, давно украшенная хрестоматийным гляncем в русской литературе фигура Ивана Андреевича Крылова на самом деле не так проста и однозначна. На протяжении не только XIX, но и XX, а теперь уже и XXI века великий баснописец оказался не таким уж благостным «дедушкой Крыловым», окружённым лисичками, муравьями, стрекозками, кукушками и петушками... Как всякий гениальный поэт (а таковым его считали и Пушкин, и Жуковский, и Гоголь), он был и остаётся в центре самых современных споров, когда вопросы касаются судьбы России, судьбы русской культуры, национальной самобытности нашего народа, вопросов исторических, политических, нравственных.

Он до сих пор является непревзойдённым мастером русского языка (неслучайно никто за все двести лет после него не только не повторил Крылова в басенном жанре, но даже и не приблизился к его уровню, можно сказать, он закрыл своим творчеством басенную тему, исчерпал этот жанр, подняв его на такую недостижимую высоту, до которой дотянуться практически невозможно). По известности и популярности в народе, по бытованию в устной среде с ним, пожалуй, могут сравниться только Пушкин и Некрасов в XIX-м, а в XX веке — один Есенин...

Кстати, Александр Сергеевич, который писал во всех литературных жанрах, с появлением, например, сказки «Конёк-Горбунок» Петра Ершова признал за новым дарованием первенство и сказок больше не писал. Являясь автором замечательных элегий, Пушкин всё-таки поставил на первое место мастера элегической формы Константина Батюшкова и решил отказаться от написания элегий. А вот к басенному жанру даже не рискнул прикоснуться, настолько велик для него был непререкаемый авторитет Ивана Андреевича...

При этом, Крылов одинаково востребован, одинаково уместен и всегда к месту, к слову, как среди самого обычного народа, так и среди людей образованных. Крылатые слова и мудрость крыловских сентенций вот уже два века, что называется, ежедневно «на языке» у академиков и государственных деятелей, у простого рабочего и крестьянина, у писателей и журналистов, у студентов и школьников...

Мы привыкли к тому, что Крылов приходит в нашу жизнь с детства, мы читали в школе и заучивали наизусть знаменитые басни «Квартет», «Мартышка и очки», «Кукушка и петух», «Волк и ягнёнок», «Лебедь, рак и щука», «Демьянова уха», «Кот и повар» и другие. Никому и в голову не могло прийти, что безобидный, по своему даже домашний, свойский, добрый «дедушка Крылов», как нам казалось и как его нам преподносили (соревноваться с ним по такой характеристике и наименованию, — видимо, по аналогии, — допускали только другого сочинителя басен «дедушку Ленина»!), может вызывать идеологическое раздражение и даже суровое неприятие и отторжение. Однако вот что мы с удивлением и тре-

петом обнаруживаем в статье о поэте некоей В. Нечаевой (Литературная энциклопедия: в 11 т. — [М.], 1929-1939): «Басни К. в начале XIX века, в эпоху преобладания дворянской критики, встречали сдержанную оценку и иногда даже упрёки в грубости и нечистоплотности (Вяземский напр. ставил их ниже басен Дмитриева). Только представители буржуазной критики восторженно приветствовали талант К. и взяли его под защиту от критики аристократической (статья Булгарина, 1824). Позднее Белинский провозгласил К. «единственным», «истинным и великим баснописцем». Усмотрев в его баснях «сатиру» и «народность», Белинский не вскрыл, однако, консервативной направленности этих произведений. Позднейшая буржуазная критика превознесла басни К. как достижение русской народной мудрости. С такой репутацией басни К. стали обязательным предметом дореволюционного школьного воспитания и обучения и вскоре стали рассматриваться как специфический педагогический материал. К. был отдан школьникам. Историко-социологическое изучение басен показывает всю опасность такого их использования в наше время. Представитель консервативного мещанства эпохи сословно-бюрократического строя, великолепный художник характеров, создававшихся этим строем, и удивительный мастер яз., К. ни в коем случае не может быть привлечён как моралист и воспитатель в стены советской школы».

Следует особо обратить внимание, что эта «комиссарская» по духу статья, с маузером в эстетической кобуре, напечатана в литературной энциклопедии, издании по тем временам официальном, идеологически выверенном, носящем без всяких оговорок директивный характер. Лыком в строку здесь приплетёны даже классовые враги — «дворянские критики», у которых басни поэта «встречали сдержанную оценку и иногда даже упрёки в грубости и нечистоплотности...». Сгодился для обличения и князь Пётр Андреевич Вяземский, который действительно не раз в спорах со своим другом Александром Сергеевичем Пушкиным ставил баснописца Ивана Ивановича Дмитриева выше Ивана Андреевича Крылова, однако, это ему не помешало написать самые высокие слова о поэте на его смерть и в том же некрологе объявить о сборе средств на создание памятника, который и был открыт в Летнем саду 12 мая 1855 года. Да ведь и само крылатое, полное любви и почитания выражение «дедушка Крылов», так уютно и надолго прижившееся в народе русском, пущено с лёгкой руки того же Вяземского! Даже неистовый Виссарион Белинский, который как увесистая дубина тенденциозной критики столь дорог был большевистской пропаганде, не угодил новым идеологам, не посоветовался, видите ли, с товарищем Нечаевой, и «провозгласил К. «единственным», «истинным и великим баснописцем»», к тому же, «не вскрыл... консервативной направленности этих произведений».

Любопытно, что и современные оценщики, теперь уже с иного, казалось бы, прямо противоположного, либерально-демократического берега, никак не могут смириться со всенародной славой и любовью к Ивану Андреевичу Крылову, с тем, что эта слава пережила более двух веков и, к их величайшему сожалению, не обещает и в будущем угасания и обветшания. Так, в своей развязно-ёрнической книге «Родная речь» прямые потомки бывших большевиков, а ныне продвинутые либерал-демократы А. Генис и П. Вайль, десятки лет проживающие вдали не только от «родной речи», но и от самой России, с нескрываемым раздражением пишут: «В безусловной, широчайшей славе Ивана Андреевича Крылова ощущается привкус второсортности. Эта терпкость — конечно, от оскомины, которую набили за два века крыловские басни. Однако и современники не все были в восторге от его произведений: весьма критически, например, смотрел на Крылова саркастический интеллектуал Вяземский. Но он и ему подобные находились в явном меньшинстве. „За Крылова“ были и Пушкин с Жуковским, и Булгарин с Гречем, и Гоголь с Белинским».

Обратите внимание, что система доказательств (и тут сгодился князь Вяземский!), практически совпадает, хотя отрицание идёт как будто бы по иной линии, дескать, «перекормили» русский народ Крыловым, и что только «саркастические интеллектуалы» вроде Вяземского вкупе с никому не набившими оскомину «первосортными» Генисом и Вайлем (сообща с комиссаршей В. Нечаевой) могут по достоинству оценить, чего стоит эта слава

и любовь народная!.. Генису и Вайлю, специфическим просветителям русских читателей в области знания «родной речи», явно не по нутру, что, как пишут они: «Когда Крылов умер, последовало высочайшее повеление воздвигнуть ему памятник. Как сказано в циркуляре Министерства просвещения, „сии памятники, сии олицетворения народной славы, разбросанные от берегов Ледовитого моря до восточной грани Европы, знаменами жизни и духовной силы населяют пространство нашего необозримого отечества“. Крылову предстояло немедленно после кончины стать символом духовной силы, каким до него были признаны только три литератора: Ломоносов, Державин Карамзин. Компания характерная. Основатель первого университета, реформатор русского языка Ломоносов, величественный одописец Державин, главный российский историк Карамзин. И с ними — автор стишков, по определению Гегеля, «рабского жанра». Басенник...»

Ах вот, оказывается, что так смущает «характерную кампанию» заморских и доморощенных «саркастических интеллектуалов» всех политических мастей и окрасов!.. Так бы сразу и сказали! Не «ндрявица» им, понимаешь, что «высочайшим повелением» царской (ну, конечно же, тёмной для них!) России увековечена память об одном из умнейших и гениальных умов Отечества, знаки уважения к которому объявлялись «знаменами жизни и духовной силы». Разумеется, о ТАКОМ ни в советской школе говорить нельзя, ни в сытом зарубежье, ибо «историко-социологическое изучение басен показывает всю опасность... их использования в наше время»... Но почему же? — спросите вы. Ответ современные оценщики русской культуры из-за бугра дают очень странный: «Потому что его басни — основа морали, тот нравственный кодекс, на котором выросли поколения российских людей. Тот камертон добра и зла, который носит с собой каждый русский. Такая универсальность Крылова ввергает его в гущу массовой культуры». Вроде как и похвалили «дедушку», но и сей же час бесцеремонно по собственной прихоти «ввергли» бедного старика «в гущу массовой культуры». На ложку лукавого мёда у этих господ всегда приготовлена бочка их странного идеологического дёгтя... «На языке мёд, — говорится в таких случаях в народе, — а под языком лёд!»...

Думается, разгадка здесь в ином, в том, что никогда не нравилось «клеветникам России» ни в Пушкине, ни в Тютчеве, ни в Некрасове, ни в Есенине... А именно то, что Крылов был русский народный поэт. Неслучайно в культурологическом проекте «Русская цивилизация» одна из значительных работ посвящена именно Ивану Андреевичу Крылову и называется она весьма символично — «Консерватор вечного». То есть, мы видим, что самое главное, чем ценен и важен вклад Крылова в русскую культуру, в русскую цивилизацию, — это именно его консерватизм, всегда, как мы знаем, связанный не с застоём, как считают эстетствующие Швондеры от большевизма и либерализма, а с неторопливой и несуетной, но поспешной мудростью народной, мудростью взвешенной духом Священного Писания, любовью и терпением, милосердием и всемирной отзывчивостью. И тогда понятно, почему со всех нечаевско-генисовско-вайлевских сторон вызывает такую свирепую ненависть именно КОНСЕРВАТИЗМ, почему именно природная и нравственная прочность, фундаментальность во взглядах на жизнь, государство, религию, патриотизм так раздражают, если не сказать грубее — бесят! — оценщиков Крылова. В том же исследовании — «Консерватор вечного» — находим ответ этим лукавым игрокам на живом и вечном поле нашей «родной речи», которую этим игрокам честнее было бы назвать «чужая речь»: «Крылов (как и Пушкин) стал писать, по сути, новую — уникальную — книгу народного просвещения. И написал книгу вечную и неисчерпаемо-глубокую. Профессор российской словесности и ректор Петербургского университета П. А. Плетнёв однажды сравнил басенный эпос Крылова с гомеровским: „Он каждому, и юноше, и мужу, и старцу, столько даёт, сколько кто взять может... мудрость, доступная всем возрастам. Но во всей глубине своей она может быть постигнута только умом зрелым...“». Как видим, каждому — да не каждому, а тем более где же наберёшься на всех «просветителей» нецивилизованной России «зрелого ума»!..

Однако и Запад ведь до поры до времени не одними беглыми «саркастическими интеллектуалами» держался. Как говорится, «Генис brevis, ars longa»! За границей басни Крылова давно получили широкую известность. Уже в 1824 году в Париже вышел двухтомник его басен в переводе на французский и итальянский. А затем поэзия русского баснописца разошлась по свету на большинстве европейских языков. Вот, кстати, достойный образец, как Европе возвращается якобы у неё же и взятое. Только Крылов оказался знаменитей, или, лучше сказать, современной своих достойных предшественников Эзопа, Федра и Лафонтена... Во всяком случае, никто из них не стал народным поэтом. И тут есть загадка и тайна таланта Крылова, как народ принял в себя мудрость книжную, аллегорическую, будучи подготовлен к ней русскими народными сказками, в которых действующие герои тоже нередко взяты из мира животного, где фантастические и этические сюжеты воплощены в образе всех этих с детства знакомых волков, медведей, лисиц, ослов, петухов, ягнят и козлят... Так что всё это так хорошо и удачно легло на русскую почву, и философские по сути притчи и аллегории Эзопа поднялись на высоту народной этики и мудрости. Как писал о Крылове в своём некрологе П. А. Плетнёв: «...Едва понятно, как мог этот человек, один, без власти, не обладавший ни знатностью, ни богатством, живший почти затворником, без усиленной деятельности, как он мог проникнуть духом своим, вселиться в помышление миллионов людей, составляющих Россию, и остаться навек присутственным в их уме и памяти. Но он дошёл до этого легко, тихо, свободно...».

К слову сказать, на смерть Крылова откликнулись все европейские газеты. Гоголь в это время находился в Германии и о его смерти узнал из местных изданий...

Замечательно, что Крылов один из немногих русских писателей, образ которого ещё при жизни мифологизировался и становился легендой, чему немало способствовал и характер поэта, и его привычки, и внешний облик, и независимость, и популярность во всех кругах общества. Опять же, он опередил здесь и Петьку, и Василия Ивановича Чапаева... Правда, до него тем же путём прошли и Сократ, и Диоген, и многие другие философы, о которых ещё при жизни слагались легенды (конечно же, он ближе историческим фигурам древних философов, о жизни которых читал в подлиннике, выучив древнегреческий язык в пятидесятилетнем возрасте, чему так искренне удивлялся Александр Сергеевич Пушкин, и что само по себе тоже вошло в историческую крыловяну...).

Достаточно привести здесь для примера хотя бы один из исторических анекдотов о поэте, чтобы увидеть во всей характерной полноте нашего отнюдь непростого «дедушку Крылова». Сохраняем в пересказе стиль этого анекдота:

«И. А. Крылов служил библиотекарем в императорской публичной библиотеке и жил в том же здании. Как-то на лето императорская семья поселилась в Аничковом дворце. Однажды на Невском проспекте император Николай Павлович встретил Крылова:

— А, Иван Андреевич! Каково поживаешь? Давненько не видались мы с тобой.

Баснописец ответил:

— Давненько, Ваше Величество! А, ведь, кажись, соседи?»